

— В конце мая - начале июня очередная поездка: Иркутск-Москва. В Иркутске я оппонировал на защите Игоря Сидорова, сотрудника Хазанова. Игорь - здоровенный высокий сангвиник, приезжал со своей работой к нам, выступал в кирхе. Он, как и Клименко, и Бобарыкин, занимался внешней ионосферой, процессами наполнения и опустошения силовых трубок геомагнитного поля, проводил исследования роли инерции ионов, и некоторые его результаты были близки к тому, что получил Клименко, но конкурентами они себя не считали, относились друг к другу дружелюбно и справедливо полагали, что совпадение полученных одновременно и независимо результатов доказывает лишь их достоверность.

— Объёмом, правда, и количеством новых результатов работа Клименко значительно превосходила сидоровскую, но и его диссертация была вполне крепкой. Однако, неприязнь сибизмировцев к Хазанову сказалась и на защите Сидорова. Присутствовавшие на защите сотрудники лаборатории Климова и сам Николай Николаевич задавали вопросы Сидорову явно с пристрастием, придираясь ко всему, к чему только можно было придраться. Надо сказать, отвечал Сидоров неважно, чувствовалось, что он смутился, подрастерялся, и мне пришлось в добавок к тому, что я написал в отзыве, отвечать за него на критику. Правда, в конце концов и Климов в своём заключительном выступлении дал в целом положительную оценку работе Сидорова, но три чёрных шара тот при голосовании всё же схватил.

— Затасил меня в гости к себе Миша Коен, пригласил вместе с Хазановым. Они оба заботливо опекали меня в Иркутске, поселили в одноместном номере в "Ангаре", привозили-отвозили на машине (Коен или Сидоров на своих "Москвичах", и у Жоры тоже своя машина есть). Эта ихняя автомобилизованность меня весьма удивила, тем более что приличных дорог у них в области помимо как по городу да на Байкал, считай, что нету. А вот живут Коен с женой и двумя детьми уже больше десяти лет в общаге: две комнатки и санузеловое помещенье, где они готовят на электроплитках буквально рядом с унитазом, и пока Миша докторскую не защитит, с жильём им ничего не светит.

— А с докторской одна проблема - Климов против.

— Почему? Потому же, почему Кринберг против Хазанова выступал. Просто не нравимся мы им и всё.

— Чёрт те что, ерунда какая-то!

— Конечно, всё не без причин, и Миша с Жорой, наверняка, не такие уж безобидные жертвы несправедливых притеснений. Но мне вспомнилось, как Слава, когда мы с ним встретились в Москве, рассказывал мне с удивлением:

— Понимаешь, подходит ко мне Власов, который молодой, из Иркутска (Кринбергровский аспирант, один из писавших отзывы на работу Хазанова) и ни с того, ни с сего - я с ним и не знаком даже вовсе - стал мне рассказывать, какой плохой человек Хазанов. Я так и не понял - зачем, и что он от меня хотел?

— Я пояснил Славе ситуацию:

— Наверное, чтобы ты, паче чаяния, отзыв хороший на хазановскую диссертацию не написал, - и рассказал ему о хазановской защите.

— А что, Хазанов - хороший человек? Вы с ним друзья?

— Нет, друзья - это слишком. Приятели, пожалуй. Но мы не так часто встречаемся, чтобы я его хорошо знал. Обычно только на конференциях. И честно, я так и не пойму настоящих причин их конфронтации: Коена и Хазанова с Кринбергом и Климовым. Конечно, последние двое считают первых выскочками, ведь они чуть ли не на десять лет каждый моложе их, а уже в доктора лезут. Но в этом ли только дело? Научная принципиальность? Но тот же Кринберг прикрыл явную халтуру Бобарыкина, хотя я и предупреждал его, что это халтура. Да и что за методы борьбы - вроде этого наушничества Власова тебе?

— Коену я ещё в Томске дал согласие быть у него оппонентом и в этот раз подтвердил его, хотя обкаточное выступление его у нас на семинаре в кирхе мне не понравилось. Сделано много, но подано плохо, новизна и оригинальность результатов тонут в повторениях того, что уже было получено другими. Миша уверял, что всё ещё будет переделано, так как то, что написано, - скорее монография или даже учебник, а не диссертация.

— На обратном пути из Иркутска я задержался на пару дней в ИЗМИРАНе: Шагимуратов выступал на семинаре лаборатории ОНЧ-излучений с материалами диссертации и просил меня там быть для поддержки. Они с Саенко уговорили меня согласиться на научное руководство шагимуратовской диссертацией (в паре с Саенко, который был фактическим руководителем), так как это рекомендовал им Яков Иосифович Лихтер, предполагаемый будущий оппонент, состарившийся уже авторитет по ОНЧ-излучениям, но только недавно защитивший докторскую.

— Юра работал над своей диссертацией под опекой Саенко около десяти лет, не спеша, но тщательно. Изобрёл и сконструировал периодоанализатор, автоматическую станцию обнаружения свистов (свистящих атмосфериков - естественных радиосигналов из космоса в килогерцовом диапазоне, воспринимаемых на слух как свист), разработал методику обработки, наладил регулярные наблюдения, обработал кучу материала, а на стадии интерпретации ему пришлось заняться ещё и моделированием плазмосферы, в которой его любимые свисты распространяются. Это и дало им с Саенко повод обратиться ко мне с просьбой о научном руководстве.

— Шагимуратов выступал с утра, а после обеда в конференц-зале института состоялось совместное заседание секций солнечно-земной физики и ионосферы и распространения радиоволн, на котором Гор Семёнович Иванов-Холодный и Юрий Кириллович Калинин делали сообщение о своих последних работах, которые они представляли как открытие (самое настоящее) и подали соответствующую заявку в комитет по изобретениям и открытиям. Я, конечно, пошёл их послушать.

— Сами работы, опубликованные в "Геомагнетизме и аэрномии", я читал, и они, честно говоря, показались мне мурой собачьей. Вся суть открытия состояла в "универсальном свойстве экспоненциальности высотного распределения электронной концентрации в ионосфере", из которого вытекали некоторые возможности упрощённых оценок важных для прикладных задач параметров. Но это свойство экспоненциальности было установлено Чепменом ещё в тридцатых годах и для всякого грамотного физика-ионосферщика представлялось естественной и очевидной вещью, следствием ещё Больцманом открытой экспоненциальности распределения давления в земной атмосфере. Правда, никто до сих пор не отважился за столбить за собой эту очевидность как открытие. Неужели кроме этого здесь ничего нет?

— С робким недоумением задавала вопросы Наталья Павловна, с плохо сдерживаемым раздражением - Марс, но никто не нападал на "открытие" в открытую. Молчали и многоопытные молодые старички - Дёминов и Ситнов, и их только ещё набирающиеся опыта молодые сотрудники - Ким, Хегай, Павлов, за глаза пожимавшие плечами и уверявшие, что всё это ерунда чистой воды.

— Я не выдержал, вылез на сцену и попытался показать на доске, как я понимаю суть "открытия", заявив напоследок, что если суть именно в этом, то ничего нового здесь нет, и, по крайней мере, моим представлениям, что такое открытие в науке, это никак не соответствует. Авторы "открытия", однако, совершенно невозмутимо проглотили моё выступление, впрочем, как и вся аудитория в целом. Напротив даже, после меня Черкашин и Гуляева (не специалисты, правда, по физике ионосферы) всю открытию расхваливали за его практическую ценность, а Бенькова с Марсом после вопросов не выступали.

— Никакого официального решения по поводу "открытия" на этом заседании не

принималось. Думаю, авторам нужна была просто галочка в графе: обсуждалось там-то и там, в том числе в ИЗМИРАН. Дальнейшая судьба "открытия" мне неизвестна. На меня за моё выступление ни Иванов-Холодный, ни Калинин вроде бы не обиделись, во всяком случае виду не подали.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)